

В истории русской литературы «Слово о полку Игореве» занимает почетное положение. Небольшой памятник, посвященный горестному поражению русских в походе против половцев 1185 года, оказался одной из самых больших и радостных побед русского слова.

К «Слову» нас привлекает трепетная любовь к Родине, забота о ее безопасности, горькое раздумье над княжескими неурядицами и вместе с тем глубокая поэтичность образов, свободное течение повествования, своеобразная ритмичность.

Поразительно, что столь небольшое произведение так богато и даже роскошно по языку. Соловьиное пение не прекратилось — оно «уснуло»; синие молнии не просто блещут — они «трепещут»; трава не просто полегла — она

«никнет» («ничить»). Солнце «меркнет», багряные снопы лучей и вечерние зори «гаснут», месяц «поволакивается тьмою», наступающая ночь «прикрывает свет тьмою...». Ветер не просто помогает плыть кораблям — он их «лелеет на синем море», и Ярославна просит ветер, чтобы он «возлелеял» к ней ее милого мужа, то есть «лелеючи» помог ему доплыть до Русской земли. Это выражение очень уместно в устах любящей Ярославы, оно как бы исходит из ее тоскующего сердца. Персты не просто кладут на струны — их «воскладывают».

Автор «Слова» скуп на эпитеты, но зато употребленные им очень метки. Вспомните, например, такие эпитеты: «жемчужная» душа, «теплые» туманы («мглы»), «живые» струны. Первый эпитет связан со всем повествованием о князе Изяславе Васильковиче. Этот князь в одиночестве на поле битвы, умирая от ран, «изронил» свою «жемчужную» душу через золотое ожерелье (то есть через расшитый золотом ворот своей

И. ГЛАЗУНОВ. Владимир Путивльский (из цикла «Слово о полку Игореве»).

Слово о полку Игореве

К 775-летию великой поэмы

Стихотворный пересказ Н. Рыленкова.

Зачни

Не припело ль ныне время, братья,
Слово на старинный лад начать,
О походе Игоревой рати
Горестную повесть рассказать?

А начать нам подобает смело,
Не скрывая ни рубцов, ни ран,
Так, как правда времени велела,
А не так, как замышлял Боян.

У Бояна Вещего, бывало,
Если петь он начинал о ком,
Мысль, как серый волк в степи, бежала,
Поднималась к облакам орлом.

Говоря: бывое вспоминаю,
Шум усобиц в думках не затих,—
Выпускал он на лебяжью стаю
Десять верных соколов своих.

Первая настигнутая лебедь
Первой и запеть была должна.
Трубным звуком прославляла в небе
Ярослава Мудрого она.

Славила Мстислава, что, не дрогнув,
На врага один за всех пошел,
В схватке перед полчищем касогов
Князя их Редедю заколол.

Красного Романа величала,
Щедрого и сердцем и умом.
И кружилась песня, ликовала,
И светилась даль в краю родном.

Но не десять соколов взлетали,
А Боян персты на струны клал,
И живые струны рокотали
Славу тем, кто не искал похвал.

Так начнем и мы, как можем, братья,
Повесть давних и недавних лет.
Ждет нас Игорь-князь, что в поле ратном
Наступал всегда врагу на след.

Изострил он в думках неустанных
Мысль свою обидой русских сел
И полки на половцев поганых
В бой за землю русскую повел.

В небо на померкшее светило
Игорь поглядел из-под руки.
Тьма дневная от него закрыла
Знаменем смущенные полки.

И сказал он так своей дружине,
Как сказал бы и судьбе самой:
— Не добыв победы на чужбине,
Мы не смеем повернуть домой!

В битве ж, как от прадедов ведется,
Лучше сгинуть, чем попасть в полон...
Сядем же на коней наших борзых
Да посмотрим хоть на синий Дон.

княжеской одежды). Перед нами сложный образ, в котором эпитет «жемчужная» (о душе Изяслава Васильковича) входит как часть в целое. Эпитет «теплый» (о туманах) передает существенную деталь в бегстве Игоря из плена: туманные ночи теплее ясных, и Донец во время ночлегов Игоря как бы одевал его теплыми туманами, берег его.

Разнообразно слуховое восприятие автора «Слова». Струны у него «рокочут». Голоса девиц на Дунае не просто доносятся до Киева, они «вьются». Телеги у него не скрипят, а «кричат», как лебеди. Кликом можно даже перегородить поля. Слава «звенит», и в славу «звонят». Разнообразны звериные и птичьи звуки: соловьи «щекочут», их песни «веселые», орлы «клекочут», волки «вэсрожат», галки «говорят», кони «ржут», див «кличет», вороны «грают», туры «рыкают», сороки «вторскоташа», дятлы «тектом» поведают путь Игорю.

Зрительная четкость образов «Слова» поразительна. Автор об-

ладал повышенным чувством цвета, типичным для эпохи высокого развития древнерусской живописи, наступившей в XII веке. Трава у него — это «зеленая паполонма». На «черленые» щиты у него «брешут» лисицы: их раздражает красный цвет. Золотой шлем Всеволода «посвечивает» в битве. Отдельные сцены автор «Слова» видит в красках. Среди добычи — всякого половецкого «узорожья»: золота, паволок, драгих оксамитов, япончиц и кожухов — Игорю достались «чрьлень стягъ, бѣла хорюговъ», «чрьлена чолка, сребрено стружие». Надвигающаяся гроза перед битвой описана не менее яркими красками: «Кровавыя зори свѣтъ поведаютъ; чръныя тучя съ моря идуть... а въ нихъ трепещуть синии мльнии». Зрительно эффектно образы плавающих в красной крови золотых шлемов, зеленой травы на серебряных берегах Донца, черной земли, политой красной кровью.

Можно много писать о мастерстве «Слова», об удивительном знании автором природы, о свя-

зях «Слова» с народной поэзией. Красотой «Слова» упивались люди безукоризненного вкуса: Жуковский, Пушкин, Белинский, Гоголь, а в XX веке — Блок, Бунин, многие советские поэты.

«Слово о полку Игореве» стало живым явлением не только древней русской литературы, но и новой и особенно современной.

«Слово» переводили Жуковский, Белинский, Майков, Мей. Подготовительные материалы к переводу «Слова» оставил Пушкин. Переводил «Слово» Т. Шевченко. Превосходный перевод «Слова» на белорусский язык принадлежит Я. Купале.

«Слово» привлекает своей поэтической оригинальностью и иностранных поэтов. Оно переведено на десятки языков мира. Стоит упомянуть, что «Словом» глубоко интересовался А. Мицкевич; превосходный перевод «Слова» принадлежит крупнейшему немецкому поэту Р. М. Рильке. На польский язык его перевел Ю. Тувим, на болгарский — Людмил Стоянов.

Громадная литература о «Слове» изучила, кажется, все, что поддается в нем изучению. Много, что было неясно его первым издателям и толкователям, сейчас уже объяснено. И все-таки «Слово» продолжает притягивать к себе внимание не только специалистов-филологов, но и искусствоведов, историков, артистов, художников, музыкантов и... все тех же поэтов. Каждый новый поэтический перевод «Слова» — это не только явление поэзии, но и факт изучения «Слова». Это — исследование его красоты, это попытка разгадать тайны его поэтического обаяния, проникнуть и погрузиться в его поэтическую стихию. Каждый новый перевод «Слова» открывает новые, неведомые грани красоты. Переводы «Слова» никогда не перестанут создаваться, ибо каждый переводчик ищет и находит в нем нечто отличное от других, нечто созвучное своей эпохе. Об этом свидетельствуют и публикуемые здесь главы из стихотворного пересказа Н. Рыленковым «Слова о полку Игореве».

Что гадать о знаменьях, почую
Жажду меч свой испытать в бою?
Преломить конец копья хочу я
Половецкой степи на краю!

Зачерпнуть донской воды шеломом,
Поглядеться в ясные струи
Или сгинуть в поле незнакомом
Вместе с вами, русичи мои!..

V

Зарею кровавой возвещен рассвет,
Идущим с моря тучам счету нет.
Спешат прикрыть те тучи мглой своей
Четыре солнца — четырех князей.

Уж молнии во всю сверкают прыть,
Великому тут грому нынче быть.
Тут с Дона, что тревожно присмирел,
Весь день идти дождю каленых стрел.

Настало время копья преломить,
Отточенные сабли иступить
Пред синим Доном у Каял-реки,
Где напустили мраку степняки...

Гроза дохнула, травы шевеля...
Ты за холмами, русская земля!

VI

Ветры, внуки Стрибожьи,
Вражьи стрелы несут,
Вьется прах раздорожий,
Реки мутно текут.

Степь оглохла от звона,
Крылья стягов шумят.
Сразу с моря и Дона
Половчане спешат.

Русский стан окружили
От черты до черты,
Только путь им закрыли
Медной крепью щиты.

Воют бесовы дети,
Чуют смерть над собой.
Молча русские встретить
Приготовились бой.

...Буй-Тур Всеволод! Смело
Ты средь поля стоишь,
Мечешь меткие стрелы,
Вражью силу разишь...

Ради ратного братства
В эту степь ты пришел,
Позабыл и богатство
И черниговский стол.

И красы легкокрылой,
Зажигающей кровь,
Своей Глебовны милой
И привет и любовь.

IX

Что мне шумит, что мне звенит
В тумане пред зарей далече,—
То Игорь-князь в степи спешит
Поворотить полки для сечи.

Покинуть Всеволода жаль,
Что изнемог в неравной схватке.
Уж сабель выщербились сталь,
Смешались люди в беспорядке.

Рубились день, рубились два,
Кровавой не жалели браги,
На третий — смеркла синева,
Склонились Игоревы стяги.

Расстались братья, кончив пир
В глуши над быстрою Каялой.
Тут каждый без оглядки пил,
Да только браги не достало.

Вдали от сел родных и нив,
Не одолев своей кручины,
Поникли, сватов напоив,
Бесстрашных русичей дружины.

В великой жалости трава
Склокилась до земли над ними,
Их принакрыли дерева
Ветвями легкими своими.

X

Невеселая, братья, година тогда наступила,
Силу внука Дажьдбога пустынная степь
поглотила.

Встала дева-обида у древнего края Трояна,
Лебединые крылья над морем подняв
из тумана.

Плоском крыльев она времена золотые
прогнала,
Уж князя на врагов сообща не идут, как
бывало.

Стали спорить они: кто постарше, а кто
помоложе?
Брату брат говорил: — То мое, да и это
мое же.

То, что малым считалось, великим теперь
называли,

На себя же самих, друг на друга крамолу
ковали.

А враги приходили, где не было их и
поминаю...
О, далече, князь Игорь, завел ты на гибель
дружину!

Не воскреснет она, соколиным разбужена
взглядом.
Бродят Карна и Жля по Руси с поминальным
обрядом.

Плачут русские жены, унять свою горе не
в силах:
— Уж ни мыслью помыслить, ни думою
вздумать нам милых.

Не глядеться в их очи под сладостный
говор дубравный,
А уж златом и серебром не позвенеть и
подавно...

Стонет горестно Киев, Чернигов с ним
делит несчастье.
Разлились по Руси, словно полые реки,
напасти.

А князя на себя, друг на друга крамолу
ковали,
А поганые шли, дань по белке с двора
собирали.

XXIV

Сказал Боян, свидетель многих сеч,
Умевший правды вещей не бояться:
— Жить невозможно голове без плеч,
Беда — плечам без головы остаться.

Без Игоря вздыхала тяжело,
В тревожной мгле томилась Русь бессонно,
Но снова солнце на небе взошло —
Князь Игорь возвратился из полона.

По селам вьется хороводов вязь,
Девичьим песням подпевают рощи.
Боричевым подъемом едет князь,
Спешит он помолиться Пирогощей.

Тут, честь князьям по старшинству воздав,
О молодых пускай рокочут струны.
Будь здрав, князь Игорь, Всеволод, будь
здрав,

И ты, Владимир Игоревич юный.

Живите и не ведайте обид,
Друг другу помогайте нелукаво.
Всем, кто за землю русскую стоит,
Князьям и верной их дружине — Слава!